

Эти стихи знают все японские школьники. Сам поэт прибегал к памяти о родной деревне как к источнику чистоты и правильности восприятия.

Он говорил о ней, что она

...Как золотого,
В сердце сняет,
Чиста,
Не покидая меня.

При всей непосредственности его миро-восприятия, Такубоку поэт мысли. Он сам называл себя «пленником мысли». При этом для него существовало самое качество мыслей («светлы и верны»). Они не отвлечены. Они питаются живой связью с природой.

Начало осени
Как свежая вода.
Омывшись в ней,
Все мысли
Обновятся.

Но они же требуют общения с людьми:

Если б друга найти,
Чтоб все ему рассказать.

Таким другом стал для поэта читатель, полюбивший Такубоку за его умную доброту, широту идей, веру в будущее и умение за малым различать большое.

Вера Маркова с любовью и талантом перевела Такубоку и в своем предисловии много объяснила в его творчестве. Напомним, что первые переводы стихов Такубоку — А. Глушкиной и В. Марковой — появились у нас в 1954 году («Японская поэзия», издательство «Художественная литература»).

Надежда Павлович.

★

ЮРИЙ МАНН. О гротеске в литературе. «Советский писатель». М. 1966. 182 стр.

Если мы вслед за автором отправимся на поиски примеров гротеска в литературе, то рискуем заблудиться в необъятном лесу книг и героев. Ловишь себя на мысли: «А вообще существовала ли большая литература без гротеска?» Да, к примеру, «в литературе критического реализма XIX века гротескная линия развивалась наряду с не-гротескной», — отвечает Ю. Манн. Выяснению своеобразия гротеска в ряду различных способов художественной типизации посвящена его книга.

Справедливо утверждая, что гротеск порожден стремлением к крайнему обобщению, исследователь ставит интересный вопрос о «диапазоне обобщаемого в гротеске явления». В ходе этих рассуждений отлично показано, что «странное» в гротеске в значительной мере обусловлено «странностью» предмета изображения и критическим отношением к нему. Но наряду с этой социальной предпосылкой возникновения и применения гротеска есть еще и собственно художественная: гротескные формы — обычная реакция на натуралистическое «правдоподобие» в искусстве.

Ю. Манн ведет разговор о сущности гротескного принципа отражения жизни, о функции фантастики и преувеличения, о специфике комического в гротеске. Очень важна для понимания авторской концепции глава «Гротеск и аллегория», в которой весьма убедительно доказывается, что гротеск враждебен аллегории, так как аллегория однозначна, а гротеск многозначен.

За примерами Ю. Манн нередко обращается к произведениям мировой классики (Рабле, Свифт, Гоголь, Бюхнер, Шедрин). Так, во второй главе содержится отличный анализ гоголевского «Носа». И все же критик преодолевает искушение ограничиться кругом канонических примеров и часто обращается к новейшему времени, вскрывая «усложнение» гротеска в искусстве XX века на материале произведений Маяковского, Пирранделло, Шварца, Эренбурга, Ануйя, Брехта, Ионеско и других.

Хотя книга названа «О гротеске в литературе», ее автор обращается и к фактам смежных искусств: живописи, графики, кино, театра. Это часто необходимо для постановки серьезных проблем.

Не все одинаково удачно в книге Ю. Манна. Иногда автору изменяет привычка точно выражать свою мысль: в частности, употребляя традиционные формулы «модернистское искусство», «буржуазные писатели», он не называет конкретных явлений, обозначенных данными формулами. Но, несмотря на это, несомненен интерес, вызываемый этой книгой.

М. Соколянский.

Одесса.

★

С. ВАРШАВСКИЙ, Б. РЕСТ. Подвиг Эрмитажа. «Советский художник». Л.—М. 1966. 192 стр.

В мировой истории нет, вероятно, подвига более удивительного, чем подвиг ленинградцев в Великой Отечественной войне. Вместе с бойцами в нем участвовало все население города, который Гитлер хотел стереть с лица земли, участвовали и сотрудники Эрмитажа: прах многих из них — молодых аспирантов и старушек смотрительниц залов, рядовых работников и ученых с мировым именем — покоится в братских могилах на Пискаревском кладбище.

Основные сокровища Эрмитажа были эвакуированы в первые же дни войны. Однако все время блокады музей жил творческой напряженной жизнью. В октябре 1941 года праздновалось в Эрмитаже восьмисотлетие Низами Ганджеви, а в декабре того же страшного года — пятистолетие Алишера Навои. Поэт Всеволод Рождественский так рассказывает об этом декабрьском торжественном собрании:

«Академик И. А. Орбели, директор Эрмитажа, занял председательское место. Скинув подобие какого-то верхнего, сильно обтрепанного одеяния, он остался в одном ватнике и шарфе... Он говорил: «...Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде,